

УДК 101.1:316

Картавец В.В.

Московский государственный областной университет

**ФИЛОСОФЕМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА***

V. Kartavtsev

Moscow State Regional University

**PHILOSOPHEME IN LATE 20TH – EARLY 21ST CENTURY
RUSSIAN SCIENTIFIC LITERATURE**

Аннотация. В статье рассматривается эволюция понятия «философема» в научной литературе второй половины XX в., а также приводится подробный анализ трёх новейших публикаций, посвящённых природе и сущности философемы. Поднят вопрос о необходимости выявления дифференциальных признаков для таких пар понятий, как: философема и символ, философема и концепт. Философема как определённая форма знания рассматривается в качестве средства, обеспечивающего реализацию интегративной функции философии, обладающего мировоззренческой окрашенностью и способностью входить в состав развитых философских концепций в виде базового элемента.

Ключевые слова: философема, идеологема, мифологема, философский концепт, концепция, символ, интегративная функция философии, постструктурализм.

Abstract. The paper considers the evolution of the concept “philosopheme” in late 20th century scientific literature and researches three latest publications devoted to nature and essence of “philosopheme”. The question of necessity to differentiate such pairs of notions as philosopheme and symbol, philosopheme and concept has been raised. Philosopheme as a new form of knowledge is considered as a means possessing vision colouring and capable of entering developed philosophical concepts as the basic component to realize the integrative function of philosophy.

Key words: philosopheme, ideologeme, mythologeme, philosophical concept, conception, symbol, integral function of philosophy, post-structuralism.

Развитие науки как системы знаний о закономерностях развития природы, общества и мышления характеризуется диалектическим взаимодействием двух противоположных процессов – *дифференциации* и *интеграции*. Процесс интеграции особенно характерен для современной науки, перед которой встают комплексные проблемы, решение которых невозможно внутри какой-либо отдельной отрасли знания. Безусловно, синтез наук и научных дисциплин невозможен без философии, выполняющей интегративную функцию между различными типами познания действительности. В этой связи особую важность приобретает процесс выявления тех средств, при помощи которых философия осуществляет названную функцию. Не менее важным является и исследование эволюции этих средств на протяжении значительного промежутка времени, за который они успели возникнуть и претерпеть неоднократные метаморфозы, следуя общему вектору развития философии.

На наш взгляд, **интегративная функция** философии реализуется при помощи **философемы** – понятия, употребляемого в последнее время всё чаще, однако ещё не рассмотренного детально. Представляется необходимым, в связи с этим, кратко осветить историю этого термина, а уже затем перейти к современному состоянию вопроса.

Понятие «философема» было введено в философский лексикон Аристотелем в его трактате «Первая аналитика» в качестве нормы корректного (логического) рассуждения [2]. По определению Аристотеля, *философема* – это доказывающее умозаключение, причём доказывающее нечто систематически. Будучи таковым умозаключением, философема представляет

* © Картавец В.В.

собой мыслительную операцию, обосновывающую переход от посылок к заключению, который осуществляется дедуктивным способом.

Аристотелевское понимание термина «философема» довольно длительное время сохранялось в философии без изменений. С достаточной долей определённости можно предположить, что существенной трансформации данное понятие подверглось в Новое время, когда, как известно, начался активный процесс формирования наук, в том числе и философии, в их современном виде. Этот процесс сопровождался всё более углублявшейся дифференциацией научного знания, при этом философия на протяжении значительного времени выполняла функцию связующего звена для всех отраслей науки, обеспечивая их активное взаимодействие. В этих условиях именно философема, всё более чётко проявляясь в качестве философского элемента в структуре нефилософского знания, явилась одним из средств, благодаря которому данный процесс стал возможен.

Под *взаимодействием* в философской литературе понимается существование в единстве отграниченных друг от друга, качественно отличающихся явлений, факт их непосредственного воздействия друг на друга [8, 159].

Говоря о том, что философема выступает в качестве медиатора между различными отраслями науки и философией, нельзя упускать из виду и тот факт, что подобную же роль она выполняет и при взаимодействии между философией и литературой, а шире – между философией и другими видами познания мира.

Несмотря на то, что в последнее время термин «философема» всё чаще употребляется в литературе разного рода (научной, философской, художественной), значение его остаётся размытым. Достаточно упомянуть тот факт, что в современных словарях толкование данного понятия практически отсутствует. Краткие упоминания о философеме можно встретить в Философском энциклопедическом словаре и Словаре инос-

транных слов. Приведённое в этих словарях значение рассматриваемого понятия сводится к следующему: *философема* – это философское утверждение или философское учение, либо же результат философского исследования. Такая неопределённая трактовка термина приводит к тому, что разные авторы используют это понятие произвольно: либо для обозначения отдельной философской установки автора-философа, либо целой философской концепции.

Основной задачей данной статьи является попытка проследить, каким именно образом значение понятия «философема» преломилось в отечественной научной литературе на протяжении второй половины XX в.

Зачастую исследуемое понятие употребляется в детерминантной связи с двумя другими: *мифологемой* и *идеологемой*. При этом *мифологема* может пониматься двояко: либо как термин, обозначающий устойчивые и повторяющиеся конструкты народной фантазии, обобщённо отражающие действительность в виде чувственно-конкретных персонализаций, либо как сознательная попытка заимствования мифологических мотивов и перенесение их в мир современной художественной культуры. В первом случае мифологема выступает предтечей философемы на пути развития типов познания действительности, а во втором случае философема является средством взаимодействия теоретического и художественного уровней познания, в то время как мифологема – мифологического и художественного.

Термин «идеологема» был введён в язык науки М.М. Бахтиным. В настоящий момент идеологема понимается в филологии как ценностно-мотивированные образования, группирующиеся вокруг того или иного идеологически значимого концепта, служащего основой для формирования аксиологических категорий [4, 171-172]. В философии же данный термин может пониматься двояко, в зависимости от того, что поставить на первое место: либо идеологема есть социальное развитие философемы, либо, наоборот, философема рассматривается как результат

философского осмысления идеологемы.

Понятие «философема» также встречается и в теоретических разработках В.С. Степина, известного исследователя философского познания. В.С. Степин утверждал, что сложный процесс экспликации универсалий культуры может в первичных формах осуществляться не только в рамках профессиональной философской деятельности, но и в таких формах духовного освоения мира, как литература, искусство, художественная критика, политическое и правовое сознание, обыденное мышление. Данный процесс будет иметь место в том случае, если названные формы духовного освоения действительности столкнутся с проблемными ситуациями мировоззренческого масштаба. Результатом подобного взаимодействия может стать возникновение «первичных философем», как обозначил их В.С. Степин [12]. В дальнейшем, по утверждению исследователя, на основе философем философия вырабатывает более строгий понятийный аппарат, где категории определяются в своих наиболее общих и существенных признаках.

Таким образом, в представлении В.С. Степина, философема является результатом философской рефлексии определённого уровня, встречающейся в различных областях нефилософского познания.

До настоящего времени специальные, комплексные исследования, посвящённые природе философемы, отсутствовали. В научной литературе можно было встретить лишь отсылки к скупым словарным статьям и, в лучшем случае, незначительные по объёму рассуждения, включённые в состав работ по смежной тематике, не претендующие на глубину анализа (однако довольно часто содержащие ценные сведения и замечания). В последнее время ситуация начала меняться в лучшую сторону.

Рассматривая новейшие отечественные научные публикации, имеющие отношение к рассмотрению содержательно-существенных характеристик понятия «философема», нельзя обойти вниманием докторскую диссертацию В.А. Песоцкого [10], в которой пред-

принята попытка всестороннего изучения интересующего нас понятия с точки зрения взаимодействия философии и литературы. Во-первых, соглашаясь с трактовкой Степина В.С., автор диссертации утверждает, что *философема* – это результат интеграции философского и нефилософского знания. Философемы, пишет он, встречаются, как правило, «в текстах по своему основному содержанию не философских», а затем уже становятся объектом философских исследований [10, 182].

Во-вторых, Песоцкий В.А. считает, что само возникновение философем обусловлено тем, что социум имеет потребность в философском осмыслении изменений, происходящих в объективной реальности [10, 183]. Это осмысление может производиться на различных уровнях, обладать различной степенью теоретизации. Таким образом, гносеологически *философема* – это «знание, полученное с применением (осознанным или неосознанным) элементов философской методологии» [10, 184]. Автор специально уточняет при этом, что в некоторых случаях формирование философем предполагает единство обыденного и научного знания.

До сих пор мы упоминали, что философема часто рассматривалась в качестве медиатора между различными уровнями познания и философией. В своей монографии В.А. Песоцкий определил, однако, и то место, которое философема занимает внутри самого философского знания, являясь одной из его форм. Автор утверждает, что *философема* – это та форма философского знания, которая готовит почву для возникновения законов, принципов и концепций философии, возникающая, как правило, на стадии формирования гипотезы [10, 185]. Отсюда естественным образом следует, что большинство философем не представляют собой систематизированного знания, а, следовательно, имеют лишь фрагментарный характер. Данный факт, тем не менее (а, может быть, именно благодаря этому), не препятствует философеме быть мощным средством для популяризации философских знаний в нефилософской среде.

Подводя итог своим рассуждениям относительно места, которое философема может занимать при взаимодействии философского и художественного типов познания, автор выделяет философемы двух типов, различающихся по глубине осмысления содержания и сущности объекта:

1) относящиеся к *обыденному* уровню познания и характеризующиеся фрагментарностью, неосознанностью философского осмысления явлений природы и социальной действительности, находящихся своё выражение в нефилософских текстах в форме суждения;

2) относящиеся к *теоретическому* уровню познания, несущие значительный объём информации, более детально разработанные и занимающие в нефилософском тексте значимое, либо даже центральное место [10, 187-188].

Классифицируя философемы, входящие в состав художественных текстов, по объёму содержащейся в них информации, Песоцкий В.А. выделяет следующие их типы: *философемы-суждения*, *философемы-концепции* и, наконец, *философемы как целостные философские системы*. Говоря о последних, автор имеет в виду, что на основе философской рефлексии, включённой в ткань произведений таких титанов литературного творчества, как, например, Л.Н. Толстого или Ф.М. Достоевского, философия может в дальнейшем выработать более строгий понятийный аппарат, где категории уже определяются в своих наиболее общих и существенных признаках, что позволит, в свою очередь, говорить о системе взглядов того или иного писателя.

Подводя итог, мы можем утверждать, что в трактовке Песоцкого В.А. понятие «философема» предстаёт как форма философского знания, сочетающая в себе обыденный и научный уровни познания, носящая гипотетический характер, осмысливающая действительность в единстве её элементов, но ещё не на уровне их содержательно-сущностных признаков, однако уже являющаяся основанием для вычленения определённых философских категорий, законов, принципов и

научных концепций.

Исследованием того, каким именно образом философия и литература взаимодействуют между собой, занимаются, что вполне закономерно, в настоящее время не только философы, но и филологи. В этом отношении довольно значимой работой является книга Т. Благовой и Б. Емельянова, в которой рассматривается вопрос интерпретации философского мировоззрения Ф.М. Достоевского в эссеистике мыслителей русского зарубежья – Льва Шестова, Николая Бердяева и Бориса Вышеславцева [3]. По утверждению авторов, корпус философских идей Ф.М. Достоевского, нашедших своё воплощение в его художественных произведениях, состоит из определённого набора философем. Объектом анализа является процесс актуализации их культурного семантического значения в работах указанных мыслителей.

Исследуя частные философемы, которые входят в состав образного мира выбранного автора, Т. Благова и Б. Емельянов пытаются, тем не менее, дать общее определение *философемы*, формируя, тем самым, научный тезаурус, с которым они будут работать. Данный факт является основанием для рассмотрения их точек зрения в контексте настоящей статьи, посвящённой изучению того, каким образом общефилософское понятие «философема» бытует в современной науке.

Итак, в исследовании Т. Благовой и Б. Емельянова предлагается следующая дефиниция понятия «философема»: «смысловый инвариант, сохраняющий идентичность самому себе на всем вербальном пространстве Достоевского» [3, 14]. При этом философема является, с одной стороны, элементом текста, а с другой – элементом парадигмы Достоевского, «соединяющим символы, понятия и концепции, отражающие философско-антропологические, этические, эстетические и историософские взгляды» [3, 14].

Далее авторы приводят два любопытных утверждения, помогающих читателю вникнуть в тот смысл, который вкладывается ими в понятие «философема». Во-первых, утверждается: «... в каждой философеме *зашиф-*

рованы (курсив авторов) те взгляды, которые исповедует писатель, или те, с которыми он борется» [3, 17]. Во-вторых, тем контекстом (внутри произведения), в котором бытуют философемы, является, чаще всего, сновидение «как особый символический язык» [3, 32]. Эти два утверждения и базовая авторская дефиниция понятия «философема» дают, на наш взгляд, право поставить вопрос о соотношении философемы и символа в данной работе.

Кажется не вызывающим сомнений тот факт, что, в общем, под термином «символ» принято понимать особую коммуникационную модель, интегрирующую отдельные индивидуальные сознания в единое смысловое пространство культуры (здесь уместно вспомнить об основной задаче авторов рассматриваемой книги – проследить процесс актуализации элементов философской парадигмы Достоевского в эссеистике Шестова, Бердяева и Вышеславцева).

Энциклопедическое значение термина таково: «символ в искусстве есть характеристика художественного образа с точки зрения его осмысленности, выражения им некой художественной идеи» [11, 1202]. В философемах, как подчёркивается Благовой и Емельяновым, интериоризированы философско-мировоззренческие взгляды Достоевского, то есть его идеи.

Наконец, большинством исследователей, занимавшихся изучением природы символа, подчеркивается, что символ немислим без многозначности, иносказательности и комплекса сопутствующих ассоциативных значений. Всё это, естественно, ведёт к большой свободе при трактовке символа, его *актуализации* за пределами контекста.

Интересное и крайне важное замечание относительно природы символа делает С.С. Аверинцев: «Смысл символа нельзя дешифровать простым усилием рассудка, в него надо «вжиться» [1, 156]. В этой связи нам кажется важным, что в качестве анализируемого материала авторы рассматриваемой публикации выбрали именно эссеистику философов русского зарубежья, т. е. тот тип

произведения, который позволяет напрямую говорить о пережитом и передуманном, избегая при этом строгости аналитических выкладок философского трактата.

Таким образом, говоря о соотношении понятий «символ» и «философема» при рассмотрении работы Благовой и Емельянова, мы получаем следующую группу тезисов, согласно утверждениям упомянутых авторов:

1) *философема* есть смысловой инвариант внутри вербального пространства Достоевского;

2) контекстом философемы зачастую выступает сновидение как особый символический язык;

3) философема актуализируется вне этого контекста – на широком поле культуры;

4) философема в зашифрованном виде содержит комплекс идей (символов, понятий, концепций) Достоевского, имеющих отношение к широкому кругу философско-антропологических, этических, эстетических и историософских вопросов.

С другой стороны, мы имеем ряд утверждений, касающихся природы символа и, на наш взгляд, во многом пересекающихся по своему значению с теми тезисами Благовой и Емельянова относительно природы философемы, которые были перечислены выше.

Всё это, как нам кажется, позволяет поднять ряд правомерных вопросов, ответы на которые очень помогли бы обогатить представление о философеме и избежать возможной терминологической путаницы. Вопросы эти таковы: а) как именно соотносятся между собой понятия «философема» и «символ», т. е. каковы их дифференциальные признаки; б) каковы функции того и другого понятия в рамках взаимодействия между различными типами познания и между различными текстами; в) какова природа актуализации философем и символов; г) какие элементы входят (если входят вообще) в состав тех или иных философем, и могут ли этими элементами выступать именно символы.

Ещё одна проблема, которую, на наш взгляд, нельзя оставить без внимания, – это проблема соотношения философемы и кон-

цента. Материалом и отправной точкой для рассуждения может послужить диссертация М.А. Шабаевой «Манифестация текстофило-софемной картины видения средствами зооморфической перспективы в текстах Ф. Ницше и их переводах на русский язык» [14]. Эта работа, помимо всех прочих достоинств, хороша ещё и тем, что ставит немаловажный вопрос о том, каким образом понятие «философема» может быть включено в контекст современных течений философской мысли и, в особенности, в контекст постструктурализма. Рассуждая о данном направлении, мы будем пользоваться, зачастую, разработками западных авторов, что, как нам представляется, вполне правомерно, так как общее представление о современной философии как о «концептологии» сформировалось именно под их влиянием.

Термин «текстофилософема» введён М.А. Шабаевой для интеграции категорий лингвостилистической и философской интерпретации текстов Ф. Ницше, что неизбежно происходит ввиду пограничного характера произведений немецкого автора, сочетающих в себе статус и философских трудов, и – художественных.

Понятие «философема» понимается М.А. Шабаевой как «элементарная единица мировоззренческой установки автора-философа» [14, 42]. При этом автор предлагает рассматривать понятие «философема» не изолированно, но в системных отношениях с двумя другими понятиями: «философским концептом» и «философской концепцией». *Философский концепт*, по утверждению автора, состоит из философем и, таким образом, *философема* есть минимальная единица философской концептуальной системы.

Вопрос о соотношении понятия «концепт» в лингвистике, культурологии и философии поднят и обсуждается довольно давно. М.А. Шабаева пишет, что (в её понимании) *философский* концепт есть «комплексный мыслительный образ, представляющий собой определённую мировоззренческую установку на реалии действительности. <...> ... Концепт есть точка пересечения, «сгущения»,

«скопления» философем». И далее: «Определённая упорядоченность философем (всех или некоторых из них) составляет философский концепт» [14, 43].

Суммируя, мы можем привести следующие характеристики понятия «философский концепт», выделяемые автором:

1) *концепт* есть репрезентация мировоззренческих установок субъекта;

2) концепт сложен по структуре, так как состоит из элементов, взаимодействующих между собой;

3) элементарной единицей концепта, также носящей мировоззренческий характер, является философема;

4) функцией философемы является интерпретирование философских концептов;

5) таким образом, концепт есть результат взаимодействия составляющих его философем;

6) системное взаимодействие концептов субъекта приводит к формированию философской концепции.

Данное рассуждение хорошо иллюстрирует постструктуралистский подход к решению вопроса о том, чем является философия в современных условиях.

По словам Неретиной С.С., исследовательницы западной мысли, нынешнюю философию можно представить как «эксперименты с разными концептами, она [философия] представляет потому не концептуализм, а концептологию, где каждый концепт показывает полное изменение конфигурации мира» [9].

Анализируя итоговый труд Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Что такое философия?» [5], мы можем выделить содержательно-сущностные характеристики понятия «философский концепт» в его современном понимании. Несколько схематизируя, их можно представить следующим образом:

1) Сотворённость концепта. Концепт всегда указывает на конкретного автора, и в этом смысле он персонифицирован [5, 17].

2) Обладая этим признаком, концепт не принадлежит границам какого-либо конкретного высказывания [5, 34].

3) Соотнесённость концепта с какой-либо проблемой [5, 26], что позволяет различным концептам в пределах одной проблемы пересекаться и взаимно координироваться.

Специфика трудов западных постструктуралистов такова, что всякий хороший переводчик с неизбежностью оказывается ещё и интерпретатором их работ.

С.Н. Зенкин, поэтому, в своём послесловии к переводу книги Ж. Делеза и Ф. Гваттари пытается подобрать сравнения термину *concept*, которые позволили бы русскоязычному читателю приблизиться к уяснению сущности данного понятия. С.Н. Зенкин пишет: «Концепты – что-то вроде кристаллов или самородков смысла» [6, 280].

Таким образом, мы приходим к заключению, что размышления М.А. Шабаевой относительно генезиса, природы и сущности философских концепций находятся вполне в русле современного представления о том, чем же является философия вообще. На наш взгляд, её диссертационное исследование, сочетающее оригинальность выдвигаемых положений и весомую теоретическую базу, является весьма показательным и во многом новаторским в истории исследования места философии в структуре современного философского знания.

Итак, мы обзорно рассмотрели эволюцию понятия «философема» от момента его зарождения в трудах Аристотеля до сегодняшнего дня и попытались проанализировать три новейших работы, авторы которых выдвигают собственное представление о его природе и сущности. Выводы, к которым приходят авторы, во многом различны, однако мы всё-таки можем выделить то общее, что объединяет их концепции.

Рассуждая о философеме, все они соглашаются в следующем:

- 1) философема есть определённая форма знания;
- 2) философема имеет мировоззренческую окрашенность;
- 3) философема обеспечивает взаимодействие обыденного и теоретического уровней познания;

4) философема есть тот элемент, на основе которого могут складываться чётко оформленные философские концепции;

5) философема, зачастую, находит своё воплощение в текстах не философских (либо в тех, о которых мы говорим как о «пограничных», т. е. сочетающих философское и художественное измерения).

Подводя общий итог, мы хотели бы выделить ряд немаловажных моментов.

Во-первых, практически полное отсутствие упоминаний рассматриваемого понятия в фундаментальных справочных изданиях приводит к тому, что всякий автор остаётся наедине со своим собственным, зачастую – интуитивным, представлением о том, что же такое *философема*. Как следствие, мы видим веер всевозможных толкований сущности данного понятия, что, в свою очередь, ведёт к произвольности его употребления.

Во-вторых, в последнее время всё же вновь и вновь появляются попытки исправить данное положение дел. Издаются работы философов и филологов, заинтересованных в том, чтобы дать однозначное определение интересующему нас понятию.

В-третьих, становится всё более очевидным, что даже те понятия, которые имеют давнишнюю и глубокую историю изучения (символ, образ, концепт, концепция и т. д.), нуждаются в соотнесении с понятием «философема», с целью более чётко выделить их дифференциальные признаки.

В-четвёртых, остаётся открытым вопрос о толковании термина «философема» представителями постструктурализма, т. е. вопрос о соотносимости *философемы* и, например, *эпистемы* (термин введён М. Фуко в его монографии «Слова и вещи» [13]), а также вопрос о том, в каком значении было использовано это понятие Жаком Деррида в процессе обоснования необходимости деконструкции – центрального момента его философской концепции [7].

И, наконец, в-пятых, отдельной большой задачей является исследование того, каким образом западные исследователи, помимо представителей постструктурализма, ис-

пользуют в своих работах понятие «философема», какие сущностно-содержательные признаки этого понятия выделяют они.

Мы надеемся, что если в ближайшее время некоторые из поставленных проблем найдут своё решение, то мы сможем с гораздо большей уверенностью рассуждать о природе и сущности философемы. Это позволит точнее определить место и роль интересующего нас феномена в процессе обеспечения интегративной функции философского знания и, возможно, выявит то, что не было известно о философеме ранее.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С.С. София-Логос. Словарь. 2-е изд., испр. – К.: Дух і Літера, 2001. – 450 с.
2. Аристотель. Сочинения в 4-х т. Т. 2. Мысль, 1978. – 687 с.
3. Благова Т.И., Емельянов Б.В. Философемы Достоевского: три интерпретации. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 352 с.
4. Волошинов В.Н. (Бахтин М.М.) – Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке. – М.: Лабиринт, 1993. – 625 с.; Новейший философский словарь. Постмодернизм / Главный научный редактор и составитель А. А. Грицанов. – Мн.: Современный литератор, 2007. – 815 с.
5. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Ин-т эксперимент. социологии, 1998. – 288 с.
6. Зенкин С.Н. Послесловие переводчика // Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Ин-т эксперимент. социологии, 1998. – С. 280.
7. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 260 с.
8. Кокорин А.А. Анализ: аксиоматическое эссе. – М.: Изд-во МГОУ, 2003. – 305 с.
9. Неретина С.С. Тропы и концепты. – М.: РАН, 1999. // <http://www.philosophy.ru/iphras/library/neretina.html> (дата обращения - 15.06.2010).
10. Песоцкий В.А. Художественная литература как социальное явление и предмет философского анализа. Монография. – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – 403 с.
11. Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 1599 с.
12. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. – М.: Изд-во Гардарики, 1999. – 400 с.
13. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сacд, 1994. – 408 с.
14. Шабаетова М.А. Манифестация текстофилософской картины видения средствами зооморфической перспективы в текстах Ф. Ницше и их переводах на русский язык: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Екатеринбург, 2004. – 213 с.